

Гельмут Хельмайер, командир эскадрильи люфтваффе, прижимался к теплой узкой спине, дышал ароматом расплетенных волос Веры и думал о русских женщинах – бабах, как их называют здешние мужики. И как сами славянки иногда говорят о себе. Да, они хороши, эти русские бабы. Проигрывают француженкам изобретательностью в постели, но очаровывают способностью, дикой и первобытной, подчинять покорностью. Сослуживцы, младшие офицеры и бывший командир эскадрильи Клаус Шинкер рассказывали о русских женщинах – диких кошках, которые кусались, царапались и не соглашались на близость, даже если их били по лицу и угрожали оружием. Гельмут таких не встречал. В двадцать семь лет он выглядел бы синеглазым улыбчивым юношей, если бы не шрам через щеку и не пятно обгоревшей кожи на шее от плеча до уха. Со славянскими девушками Хельмайер держался строго, официально и вежливо, изредка пуская в ход рассчитанную и дозированную мягкость. Его обаятельная белозубая улыбка обошла берлинские газеты и попала на почтовые марки к годовщине люфтваффе. Правда, это случилось до того, как в начале декабря сорок первого года ему на хвост сел русский истребитель и изрешетил весь фюзеляж. Гельмут выпрыгнул из горячей кабины и, спустившись на парашюте, оказался на территории, занятой «иванами». Сутки он, обгоревший, прятался в амбаре русской женщины со смешным, составленным из двух именем Вася-Лиса. Потом русская нашла его и вилами погнала в свой дом. Почему-то она не выдала немца комиссарам. Вылечила. Выходила. Спала с ним, будто с заболевшим ребенком, а когда он, оклемавшись, потянул к ней руки не как к сиделке, а как к женщине, вдруг превратилась в послушную, несмелую, но отзывчивую на ласки бабу.

Через три дня какой-то меткач, возможно, сослуживец Гельмута, прямым падением разнес в труху сарай, и русская зло сказала любовнику:

– Ваши!

Он, не зная слов ее речи, понял и ответил по-немецки:

– Вася-Лиса, идет война. Ваш фюрер Сталин хотел первым напасть на Германию. Мы вынужденно нанесли упреждающий удар.

Еще через день мимо избы прошли танки Гудериана, и Хельмайер вернулся в эскадрилью. Несколько раз он хотел навестить красивую сильную женщину Вася-Лису, но служба не позволила.

Второй раз он был ранен под Сталинградом. Отбомбившись по скоплению русских за Волгой, возвращались на аэродром. Самолеты сопровождения увязли в бою с истребителями врага, и «идти» пришлось без прикрытия. Тут-то их и настигла вторая эскадрилья русских истребителей. «Иваны» постепенно овладевали тактикой. Раньше они не догадывались отсечь охранение, а потом, другими силами, взяться за бомбардировщики. Хельмайер посадил истерзаный самолет, но выбраться из кабины не сумел. Потерял много крови из раскореженного бедра. Слава богу, поврежденными оказались только мышцы, и через два месяца Гельмут уже ходил на костылях.

Мариша работала санитаркой. Ее отец – поволжский, так сказать, русский немец, и в начале войны красные угнали ее семью куда-то на восток. Сама она спряталась у родни матери.

– Я – русская! – говорила Мариша, но по-немецки изъяснялась не хуже Гельмута.

Однажды ночью она избила его подушкой за утверждение «Наполеон выиграл битву под Бородино». Оказывается, в советских школах учили наоборот: победил Кутузов и, одолев Бонапарта, зачем-то оставил Москву.

Маришу арестовали. Выяснилось, что со многими врачами и санитарями она вела большевистскую пропаганду. Гельмут пытался узнать о ее судьбе, но ему наемкнуло: безопаснее для него забыть об этой связи, на допросах она отрицала свою арийскую кровь и упрямо называла себя русской, а за близость со славянкой вполне можно оказаться в штрафной роте.

После русской немки Хельмайер какое-то время не подпускал к себе баб, но скоро понял, что так он делается еще интереснее для местных женщин. Конечно, те, кто предпочитал схватить русскую фройляйн за волосы и заломать на ближайшем сеновале, чаще хвастались победами, но зато Гельмут, когда находилось время на тактическую игру, получал всю нерастрченную покорную нежность славянских девушек. Недавно он даже стал первопроходцем, но не хвастался этим перед сослуживцами, с особым наслаждением рассказывающими о лишении девственности какой-нибудь русской девчонки.

Теперешняя подруга Вера возглавляла ячейку БСМ – Белорусского союза молодежи – и запрещала Гельмуту использовать те два или три десятка русских слов, которые он знал. Почему-то, когда он называл ее «Ты мое любимый фройляйн!», она обижалась, а если он говорил: «Ты мое кохана я фройляйн!», радовалась и тянула его в уединенное место. Маленькая, но с тонкой талией и двумя выдающимися полушариями груди, она отличалась неожиданной физической силой для девушки, и иногда казалось, не он, а она его берет во время близости. Открыть ей тайну, что солдатам Германской империи запрещено спать со славянками, он боялся. Еще Хельмайер боялся, что Вера думает об их браке и детях, но вчера вечером, когда он угостил шоколадом ее сопливого племянника, она, странно истолковав поступок, сама заговорила о супружестве. Возможно, потому, что воспитывала ребенка одна. Ее сестру, мать мальчишки, учительницу белорусского языка, коммунисты расстреляли в тридцать восьмом году.

– Ты, Гельмут, не надейся, я замуж за тебя не пойду! – Немецкий у Веры звучал правильно, но слишком твердо и старательно.

– Почему? – Хельмайер изобразил удивление и печаль на лице: пусть думает, что он ни о чем больше не мечтал, как повести под венец женщину с оккупированной Империей территории.

– Я стану женой только чистокровного белоруса, – твердо заявила Вера.

Она оказалась большей нацисткой, чем офицер эскадрильи бомбардировщиков люфтваффе.

В четыре тридцать утра Гельмут тихо встал с постели в приземистой деревенской избе. Одевался он споро, но тихо, стараясь не разбудить девушку. Взгляд, все еще полурассеянный спросонья, наткнулся на углы и предметы, которые летчик мог назвать (даже в уме проговаривая слова с акцентом) на наречии здешних унтерменшей: «ла-ф-ф-ка», «сто-о-оль», «петч-ч-ка», «лож-ж-ак», «коу-у-дра-а», «деф-ф-фка».

Взглянув на Веру, он неожиданно для себя почувствовал, как, оказывается, сильно привязался к ней. К не слишком умелым, но старательным ласкам, постоянной заботе о чистоте его одежды, к ее смешному немецкому языку – слово она тренирует командный голос.

Очередной вылет. Обыватели из штатских думают, что летчик, сбрасывающий бомбы на мирные города и деревни, повинен мучиться совестью. Мнение это происходит из наивной веры: с неба должна снисходить только благодать и радость для всех. Так вот нет. В небе Хельмайер преобразался. На земле он не

мог пройти мимо бездомной кошки и не покормить ее. За облаками он делался другим. Карающим ангелом, возмездием Божьим, молотом Тора, молнией Зевса, посланцем и слугою Смерти. Это не Гельмут сбрасывал бомбы – само Небо. Разве те, на чьи головы или жилища падала кара, принесенная на крыльях Гельмутова самолета, всегда жили по совести? Всегда соизмеряли свои поступки с заповедями Божьими? Хельмайер считал, что невинные и достойные жизни избегают попадания его бомб. Он даже придумал небольшую молитву: «Господь, направь меня к тем, кто заслужил Твою кару!» С этими словами бомбежка превращалась в исполнение двойного долга – перед Отчизной и перед Богом. Здесь, в тылу армии, неожиданно приходилось совершать больше вылетов, чем на фронте. Гельмут сильно уставал.

В день его последнего вылета эскадрилье Хельмайера поставили нелепую задачу бомбить болото. В трясине прятались бандиты, партизаны, как они сами себя называли. Забрасывать бомбами горстку людей, засевших в непролазной трясине, – примерно как стрелять из пушки по куропаткам! Можно, конечно, но не лучше ли использовать дробь? Впрочем, приказы не обсуждают. Восьмой или даже девятый заход над трясиной закончился бедой. Бандиты, которых на болоте и оставалась-то после дня бомбежки горстка человек, применили какое-то дурацкое, нелепое оружие – противотанковое ружье закрепили на колесе от деревенской телеги и поставили на высокую треногу. Вышло что-то похожее на зенитную пушку. Вероятность успешного выстрела из такой «зенитки» определялась только везучестью наводчика и ничем более. Но Господь отвернулся от Гельмута Хельмайера. Бандит попал из своего невозможного орудия прямо в кабину самолета. Такое и из настоящей зенитки можно сделать раз в десять лет. Гельмуту разорвало плечо, а перекосившееся сиденье зажало его между штурвалом и спинкой кресла. Стремительно теряя кровь и высоту, Хельмайер подумал: может быть, он нехорошо поступил, обманывая славянку Веру про возможность свадьбы и их общих детей. Она стала бы хорошей матерью. И она единственная девушка, которую он познал первым. Гельмут хотел в обмен на жизнь пообещать Господу найти способ жениться на славянке, но потерял сознание, а через несколько секунд почти ничего не осталось ни от бомбардировщика, ни от самого Хельмайера...